

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На взморье предполагалось провести неделю, но у обоих к отдыху не лежала душа, и они решили вернуться раньше. Мэйкон рулил. Сара сидела рядом, привалившись к окну. Сквозь ее спутанные каштановые пряди проглядывали кусочки хмурого неба.

Мэйкон был в своем дорожном летнем костюме, в котором, считал он, путешествовать гораздо разумнее, нежели в джинсах. Джинсы жесткие, у них эти грубые швы и заклепки. На Саре было махровое пляжное платье без бретелек. Казалось, супруги возвращаются из двух совершенно разных поездок. Сара загорела, Мэйкон — ничуть. Рослый, бледный, сероглазый, прямые светлые волосы коротко стрижены, он был из тех, кто обгорает мгновенно. И с полудня всегда прятался от солнца.

Едва выехали на разделенную отбойником автостраду, как небо почернело и крупные капли испянтнали ветровое стекло. Сара выпрямилась.

— Хоть бы не полило, — сказала она.

— Короткий дождь не помешает, — ответил Мэйкон.

Сара откинулась на сиденье, не отрывая глаз от дороги.

Утро, четверг. Машин было немного. Обогнали грузовой пикап, потом фургон, весь обклеенный зазывными афишами. Капли на ветровом стекле сливались в струйки. Мэйкон включил дворники. Убаюкивающе шуршали щетки, тихонько барабанило по крыше. Временами задувал ветер. Дождем прибило высокую блеклую траву на обочинах. Косые струи лупили по лодочным причалам, дровяным складам и магазинам «Мебель со скидкой», уже успевшим потемнеть от влаги.

— Тебе видно хорошо? — спросила Сара.

— Вполне, — сказал Мэйкон. — Это пустяки.

Они догнали грузовик, с задних колес которого веером летели брызги. Мэйкон принял влево и обошел его. На мгновенье их накрыло водяной пеленой, грузовик остался позади. Одной рукой Сара ухватила за приборную панель.

— Не понимаю, как ты видишь дорогу.

— А ты надень очки.

— Это улучшит твой обзор?

— Нет, твой, — ответил Мэйкон. — Ты вперилась в стекло и не различаешь дорогу.

Сара не выпускала панель. Широкое гладкое лицо ее излучало покой, но, приглядевшись, вы бы заметили напряженность, затаившуюся в уголках глаз.

Машина стала их домиком. От дыхания стекла запотели. Кондиционер уже не работал, но еще чувствовались остатки искусственной прохлады, быстро превращавшейся в сырость, отдававшую плесенью. Проскочили под эстакадой. На пугающе бесшумную секунду дождь прекратился. Не успела Сара облегченно выдохнуть, как по крыше вновь забарабанило. Сара обернулась и тоскливо посмотрела на эстакаду. Мэйкон гнал вперед, руки его расслабленно лежали на руле.

— Ты заметил парня с мотоциклом? — спросила Сара. Сквозь неумолчный равномерный рокот, окутывавший их, говорить приходилось громко.

— Какого парня?

— Он стоял под эстакадой.

— В такую погоду мотоцикл — это безумие, — сказал Мэйкон. — Да и в любую другую тоже. Ты уязвим для стихии.

— И мы могли бы там переждать.

— Сара, если б я почуял хоть малейшую опасность, я бы давно остановился.

— В этом я, знаешь ли, не уверена, — откликнулась Сара.

Они миновали поле, на котором дождь, ливший уже стеной, повалил кукурузные стебли и затопил межрядья. Водяные залпы бились о ветровое стекло. Мэйкон переключил дворники на максимально быстрый режим.

— Похоже, тебе безразлично, — сказала Сара. — Ей-богу.

— Безразлично? — переспросил Мэйкон.

— На днях я тебе сказала: Мэйкон, сказала я, после смерти Итана мне иногда кажется, что жизнь бессмысленна. Помнишь, что ты ответил?

— Сразу не вспомню.

— «Милая, — сказал ты, — если честно, я никогда не видел в ней особого смысла вообще». Вот твои точные слова.

— Хм...

— Ты даже не понимаешь, что в них плохого.

— Наверное, нет.

Миновали ряд автомобилей, припаркованных на обочине, — затененные окна, на сверкающих капотах пляшут дождевые фонтанчики. Одна машина слегка

накренилась, словно вот-вот свалится в кювет, где бурлил мутный поток. Мэйкон не сбавлял скорость.

— Неважный из тебя утешитель, — сказала Сара.

— Я стараюсь как могу, милая.

— Ты живешь своей прежней жизнью. День за днем по заведенному распорядку, по унылым привычкам. Никакого утешения.

— По-твоему, мне оно не требуется? — спросил Мэйкон. — Ты не единственная, Сара. Не понимаю, почему ты считаешь это своей единоличной утратой.

— Порой так оно и выходит.

Они помолчали. Волны из лужи, озером разлившейся посреди шоссе, ударили в автомобильное брюхо, машину повело вправо. Мэйкон тормознул и вновь дал газу.

— Вот, к примеру, этот дождь, — сказала Сара. — Ты же видишь, я нервничаю. Чего стоило бы переждать? Этим ты бы выказал заботу. Дал понять, что в горе мы вместе.

Мэйкон вглядывался сквозь ветровое стекло, под струями казавшееся мраморным.

— У меня своя система, Сара, — ответил он. — Ты же знаешь, я вожу по системе.

— Ох уж эти твои системы!

— И потом, если жизнь тебе кажется бессмысленной, чего уж нервничать из-за ливня.

Сара съезжилась на сиденье.

— Ты только глянь! — воскликнул Мэйкон. — Фургон вообще смыло на другой конец стоянки.

— Я хочу развод, — сказала Сара.

— Что? — Мэйкон затормозил и уставился на жену. Машина вильнула. Мэйкон перевел взгляд на шоссе. — Что я такого сказал? Что не так?

— Просто я больше не могу с тобой жить.

Мэйкон смотрел на дорогу, однако нос его заострился и побелел, словно кожа на лице туго натянулась. Мэйкон прокашлялся.

— Милая. Послушай. У нас был трудный год. Тяжелое время. Такое часто бывает с теми, кто потерял ребенка. Все это говорят. Все говорят, это ужасное испытание для брака...

— Как только вернемся, я подыщу себе жилье, — перебила Сара.

— «Себе жилье», — эхом повторил Мэйкон, но так тихо, что за шумом дождя казалось, будто он беззвучно пошевелил губами. — Что ж. Ладно. Если ты и впрямь этого хочешь.

— Можешь забрать дом, — сказала Сара. — Ты же ненавидишь переезды.

Почему-то именно это ее доконало. Она резко отвернулась. Мэйкон включил правый поворотник. Заехал на заправку «Тексако», встал под навесом и выключил мотор. Потом начал растирать себе колени. Сара вжалась в угол. Только стук дождя по высокому навесу нарушал тишину.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мэйкон думал, что после ухода жены дом покажется просторнее. Но в нем вдруг стало тесно. Окна сжались. Потолки давили. Настырная мебель как будто осаждала.

Сарины вещи, конечно, исчезли — всякая мелочь вроде одежды и украшений. Но неожиданно оказалось, что и кое-какие крупные предметы несут отпечаток ее личности. Ящики раскладного стола в гостиной, забитые надорванными конвертами и неотвеченными письмами. Приемник в кухне, настроенный на станцию «98 Рок». («Надо знать, чем дышат мои ученики», — говаривала Сара, когда, напевая, проворно накрывала завтрак.) Шезлонг, захвативший единственный солнечный пятачок на заднем дворе, — там она загорала. Разглядывая цветастое сиденье, Мэйкон поражался тому, что пустота может быть так полна следами человека: он слышал легкий аромат кокосового масла, всегда навевавший мысли о пина-колада, видел широкое блестящее лицо, непроницаемое за темными очками, и ладную фигуру в купальнике с юбочкой, о котором Сара слезно молила на свое сорокалетие. В душевом поддоне остались волосы из ее роскошной шевелюры. Опус-

тевшая полка в шкафчике для лекарств, заляпанная сизоватыми пятнами жидких румян, мгновенно вызывала в памяти ее облик. Мэйкон всегда бранил жену за неряшливость, но сейчас эти пятна казались трогательными, словно разноцветные игрушки на полу, оставленные ребенком, которого отправили спать.

Средних размеров дом ничем не выделялся в ряду таких же домов на улице в старой части Балтимора. Раскидистые дубы укрывали его от палящего летнего солнца и вместе с тем защищали от ветра. В квадратных комнатах царил сумрак. Из Сариних вещей в шкафу остался только коричневый шелковый кушак, висевший на крючке, а в ящиках комода — ватные шарики и пустые флаконы из-под духов. В прежней детской был идеальный порядок, точно в гостиничном номере. Кое-где в доме слышалось что-то вроде эха. Мэйкон подметил, что по дому ходит бочком, стараясь не задеть мебель; он будто сомневался, что здесь его возьмут в постояльцы. И казался себе долговязым. Неуклюжие ступни где-то далеко-далеко внизу. В дверных проемах он пригибался.

Ну вот, говорил он себе, выпал шанс все переделать. В нем разгорался легкий неуместный интерес. Домоводство требовало определенной системы, чего Сара никак не понимала. Она была из тех хозяек, у кого вся посуда без разбору свалена в кучу. Ей ничего не стоило запустить посудомоечную машину ради горсти вилок. Мэйкона это раздражало. Он был противником посудомоечных машин вообще, считая, что они жрут электричество. Это было, можно сказать, его хобби. Экономия электроэнергии.

Теперь кухонная раковина всегда была наполнена водой с раствором хлорки, куда отправлялись грязные тарелки. Через день Мэйкон вынимал затычку и ока-

тывал посуду очень горячей водой. Затем складывал тарелки в моечную машину, которая в его новой системе превратилась в объемистый посудный шкаф.

Когда он, скрючившись над раковиной, включал кран, зачастую возникало чувство, что Сара за ним наблюдает. Казалось, стоит скосить глаза — и он ее увидит: руки сложены на груди, голова склонена набок, четко очерченные пухлые губы задумчиво поджаты. На первый взгляд за ним просто наблюдали; на второй взгляд над ним (уж конечно) потешались. В глазах ее тлел хорошо знакомый огонек. «Понятно», — кивала она в ответ на какое-нибудь его пространное объяснение, и тогда он подмечал и огонек, и предательскую усмешку, затаившуюся в уголке рта.

В том видении (если это можно назвать видением, поскольку он ни разу не обернулся) Сара была в ярко-голубом платье, которое носила на заре их супружества. Бог его знает, когда она его выкинула, но, конечно, очень и очень давно. Казалось, это призрак умершей Сары. В каком-то смысле, думал Мэйкон, выключая воду, она *и впрямь* умерла — та юная пылкая Сара, обитавшая в их прелестной первой квартире на Колд-Спринг-лейн. Мэйкон пытался вспомнить то время, но мысль, что Сара его бросила, искажала ее облик. Он представлял их знакомство в ту пору, когда оба только что вышли из детства, и теперь оно воспринималось всего лишь началом разлуки. В тот первый вечер, когда она, взглянув на него, погоняла кубики льда в бумажном стаканчике, оба уже начали движение к своему последнему тяжкому и горестному году вдвоем, к взаимной отчужденности, когда что ни скажешь, все не попадет. Они уподобились тем, кто, раскинув руки, бежит навстречу друг другу, но промахивается и, разминувшись, разбегается в разные стороны. В результате

все окончилось ничем. Мэйкон уставился в раковину, ощущая ласковое тепло, исходившее от тарелок.

Что ж, надо жить дальше. Надо жить дальше. Мэйкон решил поменять утренний душ на вечерний. Казалось, так выражается его приспособляемость, такая живость духа. Принимая душ, он напускал воды в поддон и, энергично топтался по белью, в котором был нынче днем. Потом выжимал и развешивал сушиться. Затем облачался в приготовленное свежее белье, тем самым избавляясь от стирки пижамы. Теперь в еженедельную стирку отправлялись только полотенца и простыни — полотенце всего два, но простыней куча. Последнее объяснялось тем, что Мэйкон разработал систему, позволяющую еженощно спать на чистых простынях, не утруждаясь застилкой постели. Он давно предлагал эту систему Саре, но та закоснела в своих привычках. Идея была в том, чтобы вообще отказаться от постельного белья, заменив его такими огромными конвертами, на швейной машинке состроченными из простыней. Мэйкон мысленно окрестил свое изобретение «Нательным мешком Мэйкона Лири». Новшество не требовало, чтобы его подтыкали под матрас, не сбивалось и не съезжало, легко заменялось и весило идеально для летних ночей. Зимой, конечно, пришлось бы чем-нибудь утепляться, но о зиме Мэйкон пока что не думал. Хватило бы сил прожить нынешний день и перебраться в следующий.

Порой Мэйкон, топчась на скомканном белье в душевом поддоне или забираясь в свой постельный мешок, разложенный на голом матрасе в ржавых пятнах, понимал, что, возможно, перегибает палку. Но не смог бы объяснить почему. Ему всегда нравился порядок, однако манией это не назовешь. Скорее всего, думал он, теперь и Сара в своей безалаберностихватила че-

рез край. Может быть, все эти годы они удерживали друг друга в разумных рамках, а вот порознь как-то размагнитились и напрочь сбились с курса. Сарина новая квартира, которую он никогда не видел, представлялась безумным хаосом: на плите кроссовки, на диване гора посуды. Подумать страшно. Мэйкон с удовольствием оглядывал собственное жилище.

В основном он работал дома, иначе, наверное, не уделял бы такого внимания домашнему укладу. Устроившись в офисном кресле, он на пишущей машинке, верой и правдой служившей ему еще в колледже, отстукивал путеводители для тех, кому приходилось совершать деловые поездки. Забавно, если учесть, что сам Мэйкон терпеть не мог путешествия. Стрелой промчавшись по заграницам — зажмурившись, задержав дыхание и тоскуя по надуманному домашнему уюту, — он возвращался домой и, облегченно выдохнув, выдавал на-гора пухлые книжицы в мягком переплете. *Случайный турист во Франции. Случайный турист в Германии. В Бельгии.* Имя автора не указывалось, один логотип на обложке — крылатое кресло.

Путеводители охватывали только города, ибо в деловых поездках «прибыл-убыл» никто не видит окрестностей. Да и городов-то, по сути, не видит. Командированным желательно обманчивое впечатление, будто и не было разлуки с родиной. Какие мадридские отели располагают большими матрасами «Сладкий сон»? Какие токийские рестораны предлагают заменитель сахара? В Амстердаме есть «Макдоналдс»? В Мехико имеются закусочные «Тако Белл»? В Риме где-нибудь подают равиоли «Шеф Боярди»? Иные путешественники надеялись отыскать особенные местные вина, а читателем Мэйкона интересовало пастеризованное гомогенизированное молоко.

Насколько Мэйкон ненавидел путешествия, настолько обожал сочинительство, получая истинное наслаждение от упорядочивания беспорядочного, удаления несущественного и второсортного и собирания всего прочего в аккуратные сжатые абзацы. Иногда он брал сведения из других путеводителей, выклеивая ценные зернышки и отбрасывая ненужное. Проводил восхитительные часы в размышлениях над пунктуацией. Благочестиво и безжалостно выпалывал страдательный залог. Когда Мэйкон печатал, от усердия рот его слегка кривился, и никто бы не подумал, что он получает несказанное удовольствие. *Рад сообщить*, с угрюмой и напряженной миной долбил он по клавишам, *что отныне в Стокгольме можно купить «Жареного цыпленка из Кентукки»*, и, подумав, добавлял: *а также лепешки пита*. Непонятно, как это вышло, но с недавних пор лепешки эти стали таким же американским продуктом, как хот-доги.

— Конечно, ты справляешься, — по телефону сказала сестра. — Кто говорит, что нет? Но ты бы хоть известил нас. Три недели, это ж надо! Три недели, как Сара тебя бросила, а я узнаю об этом только сейчас. И притом случайно. Не попроси я ее к телефону, ты бы так ничего и не сказал?

— Никто никого не бросил, — возразил Мэйкон. — В смысле, все не так, как ты это подаешь. Мы поговорили как взрослые люди и решили расстаться, только и всего. Мне совсем не нужно, чтобы родичи мои причитали: ах, бедняжка Мэйкон, почему Сара с ним так поступила...

— Я и не думала причитать. Всем известно, что с мужчинами Лири жить трудно.

Мэйкон вздохнул.